

«Книга ... освещает наше личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

01.01.2015

№1 (46) Январь 2015 года

• Юбилей «БИБЛИОТЕЧНОЕ ВРЕМЯ: Без пяти 100»

В 1919 году по предложению дежурного железнодорожной станции Андрея Федоровича Кравца в Андреаполе была открыта народная библиотека, фонд которой пополняли передовые люди города. С тех пор прошло 95 лет, за которые

произошло много перемен. Андреапольская библиотека сегодня – это информационный и культурно-досуговый центр для людей разных возрастов и профессий, это комфортное библиотечное пространство, богатый книжный фонд, регулярно пополняемый новинками.

Используемые в работе новейшие компьютерные технологии и электронные ресурсы передачи информации не нарушают особой духовной атмосферы, присущей издавна только библиотеке. Уютные залы с книжными стеллажами зовут к знаниям, читальный зал встречает приятной тишиной, где имеется свободный доступ к редким книжным изданиям и периодической литературе,

книжные выставки вызывают желание мыслить, думать и мечтать, а экспозиции декоративно-прикладного и изобразительного искусства затрагивают тончайшие струны души.

Библиотека становится местом общения и знакомства, где людей абсолютно разных профессий объединяет главное – любовь к чтению и книгам, тяга к новым знаниям и возможность реализовать свой творческий потенциал. Особенно показательны в этом отношении прошедшие в наших стенах мероприятия в рамках международной сетевой акции «Библионочь» и

интеллектуально-развлекательные мега-игры для взрослых читателей. «Новогодний серпантин», «Ночной переполох», «Литературные острова», «Ночной дозор», «Вспоминая 80-е...», «Необитаемый остров», «У времени реки извилистое русло...» - эти состоявшиеся проекты помогают взглянуть на библиотеку другими глазами, переосмыслить её роль в жизни современного общества.

Недавно состоялась очередная мега-игра для читателей «В пятницу после шести...». Её лейтмотивом стала тема 95-летнего юбилея Андреапольской библиотеки. Четыре читай-компании игроков состязались в различных конкурсах, выполняли интеллектуальные задания, радовали друг друга своими талантами и творческими способностями.

Читатели далеко за полночь покидали библиотеку в хорошем настроении и в ожидании следующей встречи, где в центре всего непременно будет её Величество - КНИГА.

Александра Лельбикс,
сотрудник библиотеки.

На снимках: моменты игры.

• Молодые голоса

Юлия Алексеева

Андреаполь

ДОРОГА СЧАСТЬЯ

На мягкие сиденья бросив спины,
И думая о чем-то о своём,
Мы мчим с тобой куда-то на машине.
Я так люблю, когда ты за рулём.

Мелькают за окном леса густые,
Сменяют их зеленые поля,
Лучи бросает солнце золотые,
И целит, будто прямо нам в глаза.

Пришурившись, ты смотришь на дорогу,
Скользя по ней уверенно, легко.
А я, закрыв глаза, дремлю немного,
И мысли мои где-то далеко...

Спокойная, сижу, расслабив спину,
И люльку-переноску пристегнув,
Смотрю на спящего под пледом сына
И на руки твои, что держат руль.

На диске еле слышно Лепс играет,
Довольная, я шёпотом пою.
Вот он, момент, когда всего хватает,
Ведь рядом те, кого я так люблю...

Мы в зеркале встречаемся глазами,
Улыбкой оживляется лицо,
Горят всё те же искры между нами –
И счастлива я, право, как никто!

Я ЛЮБЛЮ ЛЮДЕЙ

Вы знаете, а я вот, в дружбу верю,
И людям верю, хоть и говорят,
Что если сделаешь добра неделю,
То месяц злобы прилетит назад.

Хоть, говорят, что добрых не осталось,
Что доверять не стоит никому,
Я верю людям, хоть и ошибалась.
Меня не понимали – я пойму.

Я верю людям, хоть они порою
Ведут себя совсем не по-людски.
Я верю, зло – затмило доброту,
Я знаю, что герои не ушли.

Я верю. Говорят, это опасно.
Пугают «улицей разбитых фонарей».
Я верю, может быть, это напрасно,
Но, если честно, я люблю людей.

* * *

В ветхий дом с погасшим камином
Мы с тобою тогда забрели
Сердцем жарким поджжёг ты лучину,
Добывая искру любви.

На потухшем давно кострище
Запылала чувства огнём:
Моя юность – была твоей пищей,
Твоя нежность – моим питьём.

Разгорелось яркое пламя,
Где вчера ещё лёд лежал,
Луч тепла проскочил между нами,
И весенний ручей побежал.

Стало прошлое вдруг настоящим
В ветхом доме, что был под снос.
Южный ветер потоком струящим
Мрак и холод на север унёс.

Обнимай меня! Всё напрасно.
Я хочу этот миг продлить.
А когда наш костёр будет гаснуть –
Не забудь в него масла подлить!

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Однажды утром, спозаранку,
Передо мной явился он,
В руках держал варенья банку,
Ну, точно, думаю, влюблён.

Он посмотрел мне прямо в очи
И улыбнулся, не спеша.
Ну, думаю, влюбился, точно!
Ах, трепещи моя душа!

– Не стой же, Ваня, на пороге! –
Сказала я ему – пройди!
А он культурно вытер ноги,
Чтоб в грязных кедах не идти.

Подумала, какой приличный!
Вот мне б такого мужика,
С такой улыбкой необычной,
Да и не пьёт, наверняка.

Держа в руках своё варенье,
Смотрел он нежно на меня,
А я от чувства вдохновенья
Зарделась, голову склоня.

Гляжу, варенье из малины!
Как он узнал, что я люблю?
Вот это, думаю, мужчина,
Да за такого, хоть в петлю!

Стою, поддёргивая шорты,
Вдруг он подаст какой-то знак...
– Я, это, Дусь, чего зашёл-то...
Открой-ка банку, мне никак!

- Гости клуба

СОЛЁНЫЙ ПОМИДОР

Новогодний мемуар

У моей бабушки Феодосии солёные помидоры наличествовали круглый год. Что бы ни происходило вне стен каменного дома - мороз, жара, война или голод – в доме, а точнее в погребе, всегда обретались солёные помидоры. Дом стоял на высоком месте, и потому погреб был глубокий. Когда бабушка Феодосия посылала меня в этот погреб, то непременно говорила: возьми лампу, там темно, как у Геббельса на душе, и давала мне эмалированную миску для помидоров.

Погреб помнил царские времена, по нему можно было гулять парами и водить небольшие экскурсии вдоль стеллажей с банками. Чего только не было на этих стеллажах: варенья, соленья, салаты, компоты, соки, настойки, домашние вина... В больших и малых банках, в бутылках и бутылках. А там, вдаль, за решётчатыми деревянными загородками с картошкой, морковью, свеклой, капустой, яблоками и ещё чем-то, там, куда не достигал свет лампы, на глинобитном полу покоились округлые, точно кустодиевские купчихи, запыленные двухведёрные бутылки. Что было в тех бутылках никто, кроме бабушки Феодосии, не знал, потому как стояли они так далеко, что никто, кроме бабушки Феодосии, туда не доходил. Да и зачем идти в такую даль, ежели вино и наливки стояли на стеллажах гораздо ближе?

Да, так я о помидорах. Поставив лампу на специальную полку, я шёл к четырёхведёрной кадке, сдвигал камень-гнёт, открывал, как танковый люк, половину деревянного кружка, осторожно заворачивал марлю, затем приподнимал плотный ковёр из укропа и листьев хрена и вызволял из мокрого холодного плена его величество солёный помидор. Затем ещё один, ещё...

Заполнив миску красной помидорной горкой, я поднимался по короткой лестнице, торжественно вручал бабушке Феодосии миску и возвращался за лампой.

Состояние солёного помидора было следующим: размером он с женский кулак; туго натянутая кожица; внутри красная жидкость и один большой, в три квадратных сантиметра, матовый пузырь газа, прижатый к кожице в форме линзы. (Находились эстеты, которые прокалывали пузырь вилкой, но не будем о дурновкусии).

Вообще-то я не люблю быть пьяным, но сам процесс... Поднимаешь малую рюмку водки, произносишь короткий, как всплеск леща, тост, чокаешься и выпиваешь одним глотком. Несколько мгновений сосредоточенно провожаешь глоток к месту назначения. Затем приступаешь к следующему процессу, а именно – к процессу закусывания помидором.

Осторожно, словно золотую рыбку, берёшь помидор в ладони, прокусываешь матовый пузырь и сквозь прокушенное отверстие втягиваешь половину содержимого в ждущий рот. На секунду задерживаешь дыхание и глотаешь. Резкость сока такова, что тебя слегка передёргивает. Делаешь совсем короткий передых, всасываешь остаток и деликатно кладёшь сжатую атмосферным давлением кожицу на край тарелки.

Под впечатлением сотворённого акта проживаешь следующие пять минут жизни. Всё, любимый организм готов к приёму очередной рюмки и, соответственно, к очередному закусыванию помидором. Но ты не спешишь, ты его, организм, томишь, ведь томление – тоже процесс...

Во всей этой череде прекрасных событий желательно не переборщить, а то после всего даже самая натуральная и чистая, как слеза, водка будет сутки стоять в горле мерцающим колом. Так что, чувство меры – превыше всего, и жизнь не разладится.

С Новым годом!

Владимир Озерянский,
Осташков

• Ночь, улица, фонарь, аптека...

* * *

Умолкли псы и дискотека.
 Поэт корпит, очки надев,
 А ночь глядит, офонарев,
 На блики вывески "Аптека".
 Ах, Мастер! Загляни в окно:
 Там у Коровьева – в квартире –
 Такое светится "кино",
 Что нервно курит "Мимино"!
 Его твоей бы дерзкой лире –
 Ты б стал Булгаковым давно!..
 Жаль, видеть это не дано
 Тебе в пенсне на "плюс четыре"...

**Игорь Столяров,
 Нелидово**

* * *

Когда густая тьма опустится на город,
 Украсив небосвод мерцанием гирлянд,
 Погасят свет дома, усмешку спрячет Воланд,
 И всё кругом уснёт... Поэт и вор не спят.

Вор улицей пустой крадётся. Тонет в неге
 Измотанный квартал, и псы не гавкнут вслед.
 Он обогнёт фонарь старинный у аптеки
 И вот уже пропал мелькнувший силуэт.

А после у ворот, окинув взглядом небо:
 Не скоро ли рассвет решит исход ночи?
 Он прошмыгнёт в подъезд, разгадывать там ребус
 Над связкою ключей у замкнутых личин.

А что же ты, поэт, с тоской глядишь на небо?
 Скучаешь? Музу ждёшь с ключами от двери?
 Что видел ты в окно? Из слов конструктор Лего,
 Не ной, возьми блокнот и только собери:

Фонарь, аптеку, ночь... По-своему! Скорее,
 Про вора не забудь, что медлил у ворот!
 Светлеет небосвод, созвездия тускнеют,
 Глядишь, и вовсе ночь Марго метлой смахнёт.

**Наталья Иванова,
 Пено**

* * *

Аптекой отдаёт весенний березняк,
 Но менее всего я мыслю об аптеке:
 Я знаю, что никак,
 Я знаю, что никак
 Здоровым мне не быть,
 Прожжённому калеке.
 Я не умею жить?
 Я – не умею жить!
 И научиться жить –
 Я б не хотел вовеки.
 Я знаю – мне не быть,
 Я знаю, что не быть,
 Здоровым мне не быть,
 Прожжённому калеке.

**Юрий Смирнов,
 Любино – Торжок**

* * *

Фонарь, как старый алкоголик,
 Качаясь, водит мутным глазом,
 Дивясь, как мы по чьей-то воле
 Под дождь случайно вышли разом.

Души своей мы не откроем,
 За прошлое держась упрямо.
 Тебе не стать моим героем,
 А мне твоей прекрасной дамой.

Бредём куда-то параллельно,
 Соприкасаемся телами.
 Проспавшийся фонарь бесцельно
 Пространство озирает с нами.

Необязательные речи.
 И каждый помнит ночь былую.
 Мои ль ты обнимаешь плечи?
 Тебя ли я сейчас целую?

**Маргарита Петрова,
 Андреаполь**

* * *

Снег визжит, подошвой разможжён.
 Братьями засмеян до истерик,
 февралёк – ревнивый недомерок –
 зло грозит сосулистым ножом.
 Он ещё покажет! Не вопрос!
 Он ещё подкинет аномалий,
 ледяной властитель заполярий –
 в снежной шапке, съехавшей на нос.
 Он – пижон. Он дерзкою рукой
 бросил в лужу звёзд Плеяд погоны,
 и, сверкнув, кольчуга Ориона
 грозно вознеслась над головой.
 Мятая, как будто с бодуна,
 пряча лик, антеннами утыкан,
 жуткой хэллиуиновою тыквой
 по-за крыши валится луна.
 Многоглавой гидрою зимы,
 темнотой проявлены неверно,
 упираясь плоско в изотерму,
 стыннут вертикальные дымы.
 Изумрудность выплеснув окрест,
 заполночным паранойным бредом –
 мусульмано-христианским брендом –
 над аптекой зеленеет крест.
 И скрипит замёрзшая вода,
 и куда там мозговать про «после»,
 и морозом залепляет ноздри,
 и сжирают душу холода...

Но, неся на ободках скрижаль,
 с вечного заснеженного склона
 катится колечко Соломона:
 «Ночь. Аптека. Улица...»
 Февраль.

**Владимир Юринов,
 Андреаполь**

• *Новые стихи***Людмила Швец**

Новоуральск – Андреаполь

Улетают последние листики
С веток дерева-календаря...
Дикой яблоньки ягоды кислые
Остаются на ветках не зря.

Снегири прилетят и попразднуют,
"Кислых" дней не оставят следа.
Куст облепят и сердце порадуют;
Переждём с ними мы холода.

И стоит моя яблонька, дикая,
В снежных ягодах спрятался куст.
Ждёт гостей моя улочка тихая;
Потревожить до срока боюсь.

Посмотрю из окна – не колышется
Ветка с ягодами от снегирей.
От того-то, наверно, не пишется...
Прилетайте, родные, скорей!

* * *

Упрямо бьётся за стеклом
Вечерний мотылёк.
Есть форточка, – как окоём,
Ему-то невдомёк!

И будет биться до утра,
Пока не упадёт.
Хотелось жить ему... вчера,
Прервался вдруг полёт.

Так люди бьются об стену,
Не в силах одолеть.
И покорить её одну,
А, покорив, взлететь!

* * *

Скоро листья вновь закружит
Ветер сентября.
В школу мы шагаем дружно,
Новичков отряд.
В ранце – книжки и тетрадки,
Новенький планшет.
С формой тоже всё в порядке
И в руках – букет.

Наш учитель – первоклассный!
Знаем наперёд.
В день погожий, самый ясный
На крылечке ждёт.
В класс проводит и поздравит
С первым сентября.
Для начала нас рассадит
Парами, не зря.

Мамы наши знают – школа
Станет нам родной.
Выучим букварь мы скоро.
Отдых ждёт зимой.
Будем спортом заниматься,
ГТО сдадим.
Папам рады мы признаться:
В дружбе – как один!

Вот звонок звенит весёлый,
Рано, поутру.
Мы гордимся нашей школой,
Значит, быть добру!

ПРИТЧА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Раскричался попугай –
(Кот стащил котлету.)
Он увидел невзначай –
Всем "сказал" об этом.

Тут же прибежал щенок,
Лапой сдвинул миску.
А котёнок уволок
Со стола редиску.

Пуще прежнего кричит
Попугай из клетки.
Кот ленивый уже спит,
Съел щенок объедки.

Бабке с дедом невдомёк:
Полет дед картошку,
Бабка путает клубок,
Внук играет с кошкой.

Тут пошли все на обед:
Бабка, дед, внучонок.
Видит бабка – нет котлет,
Бегают котёнок.

Попугай кричать устал,
Кот уснул в коробке.
А ответ за всех держал
Маленький и робкий...

- На конкурс: «Это было со мной в Андреаполе»

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

В далёкие годы семидесятые я работал на известковом заводе экскаваторщиком по скользящему графику. В каждой смене был свой мастер. У меня – женщина. Назовём её Галиной Ивановной Ивановой, чтобы не раскрывать ненужных тайн. Она готовилась уходить на заслуженный отдых, проще говоря, на пенсию.

– В субботу я буду отмечать свой юбилей, приходите с Любой к часу дня, пригласила она нас с женой.

Я принял приглашение и отправился восвояси. В хорошем расположении спешу доложить, мол, у мастера юбилей, и она нас приглашает отметить это событие. Но, видно, попал не под настроение. И понеслись громовые раскаты:

– Я? Да к этой... Никогда!

Супруге легко было других критиковать – я ведь каждую ночь под боком, а она, мол, такая-сякая. Галина Ивановна была вдовой, муж рано ушёл из жизни, и в этом не было её вины. Но грех был, что правда, то правда: мастерица, если бог пошлёт мужичка, принимала гостя, не отказывала. Что поделать, природа требует своё.

Так мы в субботу никуда и не пошли. Назавтра я отправился пройтись по городу. О приглашении уже и забыл. Иду себе, задумавшись, по Больничной улице (теперь переименована в 50 лет Октября), как вдруг выскакивают сыны Галины Ивановны – Саша и Вася. Подхватили меня под руки и давай тащить к себе домой.

– Вот он, преступник, доставлен, – отрапортовали они матери.

Народ сидел уставший. Хватило бы и одного дня, да нет же, прихватили и воскресенье. Кто-то пытался что-то спеть, но ничего не получалось. Галина Ивановна, подсев ко мне, начала наливать в стаканчик самогонки. Я запротестовал, мне врач после операции на желудке советовал ничего кроме водки не употреблять. Хозяйка метнулась на улицу и вернулась минут через восемь-десять с бутылкой «Столичной» в руках. Налила она мне и невестке своей. Невестка куда-то упорхнула, а я помаленьку допил остатки. Хорошо закусил. Увидев, что я не пьянею, хозяйка снова слетала в магазин. И снова мы по стаканчику пропустили с ней, а я опять допил оставшееся.

В четыре часа дня мне нужно было идти на смену, и я решил двигаться помаленьку домой. Миновал Куровский переезд, начал спускаться вниз к реке Городне. Это сейчас там стоит красавец Ломоносовский мост, а тогда был маленький мосточек-кладочка. Мне и раньше приятель Иван рассказывал, как его шатало перед тем, как перейти эту переправу. Пришлось ему преодолевать кладочку на коленках. Я его слова помнил постоянно. Но я же не Иван, я Юрий. И ничего со мной не случится.

На всякий случай я остановился перед мостиком, чтобы сосредоточиться, а уж потом его взять сходу. Не дошёл я метра два. Меня какой-то непонятной силой ударило в правое плечо, и я в считанные секунды очутился посреди речки. Эта самая сила меня прижимала к воде, но я упёрся руками и ногами и не сдавался. Кому умирать так глупо захочется. Спасибо, воды было мало, ведь на дворе – июль.

Я, победитель, поднялся во весь рост и огляделся: ни души! Много бы я дал, чтобы со стороны взглянуть, как я кувыркался, пока не очутился посреди речки. Перешёл на противоположный берег и поплёлся домой. Спать перед сменой не пришлось, хмель прошёл и без сна.

Каждый раз, когда прохожу через Ломоносовский мост, смотрю на то дьявольское место, и в голову приходит мысль: не любит это место пьяных мужиков.

Юрий Мотря,
Андреаполь.

На снимке: то самое место сегодня.

Фото Татьяны Исаевой

Владимир Юринов

ЗАВЕЩАНИЕ

Рассказ

Соломон Маркович Кац, православный еврей – пожилой, лысый, худой, в жёлто-коричневой полосатой пижаме и в стоптанных шлёпанцах на босу ногу, с тяжёлыми очками, съехавшими на самый кончик хрящеватого, похожего на акулий плавник, носа, – сидел в зале, за круглым, покрытым белой крахмальной скатертью столом и, потея ладонями от усердия, сосредоточенно писал. Он не отвлекался ни на шумную воробьиную возню за раскрытым окном, ни на озабоченно бормочущий за стеной телевизор, ни на визгливый голос своей жены Цили, доносящийся из кухни из-за двух плотно притворенных дверей. Соломон Маркович был предельно внимателен и собран – он составлял завещание.

Нет, Соломон Маркович вовсе не собирался умирать. Во всяком случае, в обозримый промежуток времени. Наоборот, в это солнечное летнее утро он чувствовал себя, как никогда, здоровым и полным жизненных сил. Просто нынче Соломону исполнялось шестьдесят два года восемь месяцев. А согласно последним данным Всемирной организации здравоохранения (за которыми Соломон Маркович очень внимательно следил), именно такова была на текущий момент средняя продолжительность жизни мужчин в России. То есть сегодня он переходил через некую умозрительную черту, вступал, если можно так выразиться, в зону повышенного риска. А поскольку Соломон был по жизни человеком предусмотрительным и к тому же крайне пунктуальным (сорок лет работы бухгалтером крупного гастронома к тому обязывали), то он и решил, не откладывая дела ни на один день, составить своё завещание, выразить, так сказать, свою последнюю волю на случай событий печальных и необратимых. Событий, как вы сами понимаете, непредсказуемых и, увы, неизбежных, о чём нас на самом деле и предупреждает бесстрастно-неумолимая статистика.

«...Горячо любимой жене Цилечке – 50% от суммы указанных выше денежных сбережений, – ровным ученическим почерком писал Соломон. – Детям, Марику и Софочке, – по 20%. Брату Михаилу – 10%, а также всю мою коллекцию марок».

Он остановился. Перед его мысленным взором встали печальные, но исполненные своеобразной красоты и неподдельной душевности сцены прощания и похорон. Похороны будут обязательно скромными. Без всяких этих новомодных лакированных гробов-сервантов и глянцево-чёрных неповоротливых лимузинов. И не надо никакого оркестра! К чёрту оркестр! Ни к чему нам эти, рвущие душу, надрывные мелодии, играемые мимо нот циничными полупьяными лабухами-неудачниками, лениво отрабатывающими свой гонорар... И никаких надгробных речей! Соломон поморщился. Вот ещё! Митинговать на похоронах! Хватит, помитинговали в своё время!.. Только сдержанность и скромность. И достоинство. Да-да! Сдержанная скорбь и печальное достоинство... Глаза Соломона Марковича увлажнились. Он представил себе, как гроб с его телом выносят из подъезда и осторожно ставят на заранее приготовленные табуретки. Вокруг небольшая, но достаточно плотная толпа родственников и соседей. Тихие слёзы женщин. Желваки на скулах мужчин. Заплаканная Цили в скромном траурном платье. Марик. Софочка. Внуки. И он сам, лежащий в обтянутом голубым глазетом гробу: с покойно сложенными на животе руками и с отрешённым и немного загадочным лицом. Сквозь печально шелестящую листву пробиваются тонкие лучи яркого полдневного солнца. Они размытыми пятнами ложатся на тротуар и зажигают мелкие звёзды на прислонённой к стене дома крышке гроба. Лето. Вольно. Тепло... Хотя, почему, собственно, лето? Почему бы этому не произойти весной? К примеру, на Пасху! Соломон оживился. Да-да! Это будет именно весной и именно на Пасху! В ярко-синем весеннем небе будут проноситься быстрые тени только что вернувшихся с юга ласточек, а над полупрозрачными верхушками клёнов – с молодыми, ещё клейкими, трепещущими на ветру листочками – будет плыть отдалённый, малиновый, радостный пасхальный звон. Души будут до краёв наполняться этим звоном, а сердца – трепетать в унисон, мироточа бесконечной нежностью. Благодать!.. Благодать!..

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 7).

«Ой-вэй! – остановил поток своих сладких похоронных грёз Соломон Маркович и горестно пожевал губами. – Какая Пасха?! Какая весна?! О чём вы говорите?! Это ведь, наверняка, будет зимой. И это будет не просто зимой – это будет в феврале! Я-то уж знаю!..»

Февраль был самым нелюбимым месяцем Соломона. В феврале он непрестанно и обычно тяжело болел, и, несмотря на краткость самого месяца, давался этот зимний недомерок Соломону всегда очень тяжело.

«Ай, цорес, цорес!.. – печально покачал головой Соломон. – Умирать-то, пожалуй, действительно придётся зимой...»

Картинка переменялась. От тепла и благодати не осталось ни следа. Был лишь обжигающий, пробирающий до костей холод. Только холод, скорбь и неизбывное вековое терпение. По заснеженной, обледенелой улице мело злой низкой позёмкой. Верхушки голых кустов торчали над плоскими сугробами, как неопрятная щетина тифозного больного. В мутно-белёсом небе тусклым размытым пятном светилось зимнее негреющее солнце.

Ряды провожающих значительно поредели. Соседей не было вовсе, а из родственников куда-то запропастились все двоюродные племянники и – что было особенно неприятно – невестка Людмила.

«Чёртова курица! – раздражённо подумал Соломон. – Говорил я Мареку, что на пустышке женится, – пустышка и есть! Дрек мит фефер! Только и знает, что из мужа деньги тянуть на тряпки да на цацки!..»

Гроб тем временем накрыли крышкой и, подняв с табуреток, осторожно понесли к стоящему у въезда во двор заиндевевшему «зилку». Идти было тяжело: несущие то и дело оскальзывались на занесённых сухим колючим снежком бутылочных наледях. С протяжным визгом и грохотом отвалили задний борт. Гроб, перехватывая руками, стали поднимать в кузов, и тут... Осторожней!.. Ай!!.. Соломон не заметил, кто поскользнулся первым. Да и какая, по сути, разница – кто! Падающий подсёк своего соседа, тот – своего, и вот уже все шестеро, как сбитые кегли, валятся на обледенелую мостовую, из последних сил пытаюсь удержать, но, конечно, в результате так и не сумев удержать свою скорбную ношу. Шлимазл!!.. Упущенный гроб почти вертикально грянулся на лёд. Крышка отлетела. Покойник выпал из него, как куль, и рухнул на мостовую ничком, поджав под себя руки и несообразно длинно вытянув... голые ноги. У Соломона перехватило дыхание – покойник (то есть он сам!) был без штанов! Между торчащей из-под задравшихся фалд пиджака белой сорочкой и короткими чёрными носками, переходящими в чёрные же лакированные туфли, неприлично желтели его, Соломона, худые волосатые ноги.

Соломон торопливо схватил лежащий перед ним на столе лист бумаги и зашарил по нему глазами. Где это?! Было же!.. А, вот: «...Одежда для погребения: 1. Костюм чёрный, габардиновый (новый)...» Костюм! Это значит – пиджак и брюки! Какого ж тогда рожна?!.. Соломон замер. Ах, Циля, Циля! Ах, жёнушка! Соломон поцокал языком. Да, конечно, ничего не скажешь – костюм совсем новый. Да, надевался только два раза – на банкет по случаю ухода на пенсию и на свадьбу внучки Голдочки. Да, бережливость – мать богатства. Но, Циля моя, но! Бережливость – бережливостью, но ведь во всём же надо знать меру! Вейз мир! Так подставить собственного мужа! Так опозорить перед людьми! Эх, Циля-Цилечка, дура ты моя ненаглядная!

Соломон прислушался. Голос жены, доносящийся из кухни, кажется стал ещё громче и ещё визгливей. «С кем она там говорит? – раздражённо подумал Соломон. – Нет же там никого!.. Телефон! – догадался он. – Вот ведь, тоже мне, взяла моду – часами по телефону болтать! А потом счета приходят километровые! – Соломон громко засопел носом. – Экономит, понимаешь, на спичках, а потом просаживает на свою телефонную болтовню сотни! И ведь говоришь ей, говоришь – всё бесполезно! Только посмотрит, как на пустое место, – и опять за своё! – раздражение перешло в злость; Соломон почувствовал, как у него запылали щёки. – Ну нет, зараза, я тебе это так не оставлю!..»

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 7-8).

Он решительно, крест-накрест, перечеркнул последний абзац и начал торопливо писать ниже: «Жене Циле – 30% от суммы указанных выше денежных сбережений. Детям, Марику и Софочке, – по 25%. Брату Михаилу – 20%, а также мою коллекцию марок». С минуту он задумчиво смотрел в написанное. Потом рука его скользнула выше – к разделу «Одежда для погребения», и рядом со словами «костюм чёрный, габардиновый» появилась приписка мелкими буквами: «(пиджак + брюки)».

«Вот так-то, Цилечка! – злорадно подумал Соломон. – Теперь не отвертишься!..»

– А я тебе говорю – осенью это было! – отчётливо донесся до него из кухни голос жены. – Я отлично помню – это было в октябре! Что?!..

«С кем это она там? Что у нас было в октябре? – озадачился Соломон. – Голдочку замуж выдавали? Нет, это было в сентябре, шестнадцатого... – впрочем, вскоре его мысли приняли прежнее печальное направление. – Зима, между прочим, – это ещё не самое страшное время для похорон, – думалось ему. – Вот не приведи бог осенью помереть! В дождь, в грязь, в распутицу... Бр-р!..»

Соломон поёжился. Воображение тут же услужливо подбросило ему грустную неаппетитную картинку: низкие тёмно-свинцовый тучи, беспощадно гонимые ветром и бессильно цепляющиеся своими лохматыми животами за голые чёрные ветви деревьев; напитанное влагой, размокшее от многодневной непогоды кладбище; раскрытые траурными кляксами, чёрные зонты, ничуть не спасающие от косога секущего дождя; рыжая раскисшая глина вокруг неровной, неряшливо вырытой, оплывшей ямы и два красноруких и сизолицых кладбищенских амбала, месящие сапогами грязь возле стоящего на краю могилы гроба.

– Гвозди где-на? – сипло шепчет один из амбалов, утирая рукавом промокшего ватника висящую под носом мутную каплю. – Гвозди давай!

– Какие, ля, гвозди? – так же шёпотом возражает второй. – У тебя ж, ля, гвозди были! Ты ж их, ля, из сторожки забирал!

– Тихо ты! – сипит первый, опасливо косясь на мокнущих под дождём родственников. – Тихо-на!.. Ладно! Хрен с ними, с гвоздями! Давай-на, так стучи!

И они, загораживаясь спинами, в два молотка начинают торопливо обстукивать гроб. Фантазия Соломона разыгралась. Он понимал, что сейчас произойдёт что-то плохое, постыдное, что надо бы остановиться, обуздать своё воображение, но какое-то болезненное любопытство, какой-то голый гаденький мазохизм толкали его досмотреть всё действие до конца.

Закончив имитировать заколачивание гроба, амбалы торопливо взялись за пропущенные под домовиной верёвки.

– Взяли-на!..

Гроб, обтянутый мокрым, потемневшим глазетом, приподнялся и повис над землёй, амбалы, напрягая жилы на шеях, боком шагнули к могиле, и тут!..

– Куда-на?!..

– Держи!..

– Эх!..

– М-мать твою!..

Ноги у одного из амбалов разъехались, мокрая глинистая верёвка выскользнула из рук, гроб накренился, неприбитая крышка сдвинулась вбок, из-под неё стремительно выехал труп и, не размыкая сложенных на груди рук, рыбкой, головой вниз, нырнул прямо в могилу. Всё произошло буквально в секунду. Вокруг ахнули. Кто-то, кажется, это был брат Михаил, отбросив зонт, рванулся на помощь, но было уже поздно: один из амбалов всё ещё держал на весу свой конец гроба, второй – с обалделыми глазами – стоял на коленях прямо в рыжей грязи, а из могилы – двумя худыми жёлтыми палками – торчали обутые в лакированные туфли... голые ноги покойника.

(продолжение на стр. 10).

(начало на стр. 7-9).

«Как?! Опять?! – Соломона прям-таки затрясло; рука с зажатой в ней ручкой заходила ходуном. – Да она ж попросту издевается надо мной! Брюки где?! Стерва! Кухарка! Где мои брюки?!.. Ну, я тебе покажу! Ты у меня, зараза, попляшешь! Тридцать процентов захотела?! На-ка, выкуси! Киш мир ин тухес! Хрен тебе, а не тридцать процентов, корова толстозадая! Дырку тебе от бублика! Макес тебе на живот!..»

С трудом совладав со своими руками, Соломон вновь склонился над завещанием. В этот момент дверь распахнулась и в комнату стремительно вошла Циля.

– Шлёма, как тебе это понравится?! – прямо с порога закричала она. – Этот поц, Голдочкин муж, вчера опять припёрся на рогах! У них, видите ли, опять был корпоратив! Нет, Шлёма, что ты ни говори, но так дальше продолжаться не может! Я понимаю, он – молодой человек и ему хочется погулять, но всему же есть предел! Мы тоже были молодыми, но мы себе такого не позволяли! Шлёма, что ты молчишь?! Уже таки надо что-то решать!..

– Кажется, я кому-то говорил, что я занят! – медленно, сдерживаясь из последних сил, сипло выдал из себя Соломон; он побледнел так, что на его щеках отчётливо проступили крупные старческие веснушки; взгляд поверх очков был полон яростной злобы. – Я, кажется, просил кого-то мне не мешать! – голос его на последнем слове всё-таки сорвался и дал петуха.

– Ой, Шлёма, перестань! – отмахнулась жена, она была на своей волне и всё ещё ничего не понимала. – Какие могут быть дела – у девочки такое горе! Шлёма, я ей говорю: скажи своему Эдику, что, если он хотя б ещё один единственный раз...

– Во-он!! – заорал Соломон и, вскочив, со всей дури грохнул кулаком по столу – осколки ручки брызнули во все стороны. – Вон!! Никогда не смей мне мешать, когда я работаю! Ты поняла?! Никогда не смей отвлекать меня, когда я занят! И!.. И!.. – его длинный указательный палец извивался и плясал вслед испуганно пятящейся из комнаты супруге. – И не смей! Слышишь?! Не смей снимать с меня брюки! Дура!!..

• Мы помним Вас

**Супонев
Петр Иванович**

КАК СЕКУНДА – ДЕНЬ
Недели мчатся, как часы,
И как секунда – день,
Не прибавляет нам красоты
Обыденная дребедень.
Спешим, спешим зачем-то жить,
Как будто гонит кто.
Прожитым разучились дорожить,
Его уж не вернет никто...
Ни славной юности порыв,
Когда кипела кровь:
Любовь, раскаянья, разрыв
И вновь она – любовь.
Ни зрелых лет, когда в угаре
Спешим за призрачной мечтой,
За дефицитом на базаре
Или за должностью какой.
Спешим, толкаясь, негодуя,
Зубами хватим иногда.
И это – вместо поцелуя?
А совесть – это ерунда?
Но вот покрылась сединою
Когда-то буйна голова.
Воспоминания со мною,
Подчас шевелишься едва...
Под Новый год я воскресаю:
Готов смеяться, плакать, петь!..
Пробьет двенадцать – умолкаю...
Еще бы годик проскрипеть.

От редакции: Новогодье – не повод для грусти. И мы не грусти ради поместили здесь это стихотворение. Написано оно Петром Ивановичем Супоневым в годы, которые принято называть преклонными. Но вкус к жизни автором не потерян. Мы и помним его таким: азартным, деятельным, обладающим доброжелательным юмором, передающим окружению своё доброе расположение духа.

Он был активным членом литературного клуба «Светлячок», предлагал интересные темы для наших встреч. Умел вовремя и к месту вставить нужное слово. Мы учились у него философски смотреть на жизнь.

• Из дальних странствий
СЛОВО - МОЛОДЕЖИ

Я нахожусь в Федеральном детском центре "Смена", город Анапа. Собралось очень много ребят со всей России (даже из Якутии приехали!). Здесь разные смены: "Я – патриот", "Технология добра", "Я - доброволец", "Инфопоток", наша — "Слово молодежи". Каждый день мы ходим на лекции (как правило, в день их 5-6 бывает): продвижение информации, пиар, тележурналистика, фото- и видео- репортажи, ораторское искусство и ещё много всего из мира журналистики.

Второго декабря был конкурс "Звёздный час". Я выступала от нашей команды со своим стихом. Господи, такого я никогда не видела! Не успела я выйти на сцену и взять микрофон, все захлопали, засвистели. Я читаю. Меня снимает местное телевидение. Идеальная тишина. Куча маленьких детей – и та, раскрыв рот, смотрит и слушает. Я закончила. И тут весь зал СТОЯ захлопал, засвистел, все кричали: "Молодец!", "Ура!". Я такого никогда не видела. Даже жюри стоя аплодировало. Я и мальчик Лёша из моей команды заняли второе место, мне досталась флешка (8 гигабайт), а ему – кружка.

Назавтра был День памяти неизвестного солдата, проводили конкурс чтецов. И снова я и мальчик Лёша вышли на сцену. Я читала Симонова "Жди меня", а он – "Бородино" Лермонтова. Со мной было всё в порядке, я отлично выступила, у зрителей та же реакция, что и вчера. А вот Лёша...

Он классно рассказывает, но он забыл. Начал, прочитал половину и забыл. Я протягивала ему листы с текстом, но он отказался. Сказал, что это нечестно. Ему захлопали, чтобы поддержать. Но он забыл. Он убежал, забился в самый дальний угол зала и там заплакал. Конкурс заканчивается. Объявляют победителей. Не я. Лёша. И я искренне этому рада. Он дважды победитель. И не важно знать наизусть стихотворение, важно другим сказать. Вся наша команда кричала от радости громче всех. Он большой молодец! Вот такие наши будни.

Лиза Линкевич,
Андреаполь – Анапа

Именно за стихотворение про приближающийся Новый год Лиза получила второе место (см. подборку на стр.12).

• Невыдуманные истории

А ЛЕС СТОЯЛ ОБМАНЧИВЫЙ

Аграфена Николаевна очень любила лес. Возможно потому, что он скрашивал ее одиночество. Ни детей, ни мужа у нее никогда не было. Вначале она жила с мамой, но и та умерла, оставив дочь одну в пустом доме.

Раньше смысл ее жизни заключался в работе, Аграфена Николаевна заведовала в деревне почтой. Беспокойная должность требовала постоянного напряжения, дни пролетали быстро. Не заметила, как приблизился пенсионный возраст. Одиночество стало ощущаться особенно остро.

И тогда она особенно полюбила природу. Лес служил ей успокоением. Она воспринимала его, как свою семью, разговаривала с деревьями, ей постоянно казалось, что они тоже привязались к ней.

Жители деревни часто ездили в лес за клюквой на тракторной тележке. К ним присоединялась и Аграфена Николаевна. Собираясь в очередной раз за дарами природы, пожилая женщина быстро залезла на телегу.

– И чего ты постоянно ездешь вместе с нами? Уступила бы другим место. Что тебе одной столько клюквы надо? Чтоб тебе заблудиться на болоте! – возмущалась Серафима, поудобней усаживаясь на тракторную тележку.

Аграфена Николаевна ей ничего не ответила, только понуро опустила голову и промолчала всю дорогу. Когда приехали в конечный пункт, она быстро скрылась в глубине чащи.

Больше ее никто никогда не видел. Несколько раз местные жители ходили по болоту в бесполезных поисках. Жители одной деревни говорили, что они видели пожилую женщину, которая как-то странно на них посмотрела и ела мох. Но утверждать, что это была Аграфена Николаевна не могли, поскольку они ее не знали.

С той поры прошло уже несколько десятков лет. Никто не знает, где обрела свой последний приют эта уважаемая на селе женщина. Её ухоженный дом, где всегда царила идеальная чистота, достался племяннице.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

• Молодые голоса

Линкевич Лиза

Андреаполь

ДОРОГА В ДЕТСТВО

Я так хочу зимы и Новый год.
Нет, я не верю в сказки и подарки.
Мне просто нравится, как снег идёт
И тихо покрывает листья в парке.

Придёшь домой – а дома запах ели,
Ещё с мороза, только принесли.
И всё равно уже, что за окном метели
И грохот фейерверков где-то там, вдали.

И вроде знаешь, что Мороза Деда нету,
А всё равно ведь веришь, чуда ждёшь.
Лишь в Новый год понятно: детство рядом где-то.
Но навсегда его уже не обретёшь.

А снег идёт. Кружится, белый-белый.
И скоро долгожданный Новый год.
В желанья я давно уже не верю.
Хотя, как знать, вдруг в этот раз и повезёт...

* * *

Я подарю тебе карандаши,
Ты нарисуй мне что-нибудь попроще.
Я подожду, ты только не спеши,
Как знать, вдруг не увидимся мы больше...

Рисуй. Когда-нибудь,
Когда я буду с кем-то, как-то, где-то,
Ты вспомни (только не забудь)
Меня, рисунки, чай и просто лето.

Хотя... Ты ничего не вспомнишь обо мне,
И будет много километров между нами.
Рисуй, а мне пора. Там, на окне,
Стоит коробочка с карандашами.

* * *

Мне тяжело ходить весь день на каблуках,
А вечером не падать от усталости.
Мне тяжело держать себя в руках,
Ведь, если что – в ответ ни капли жалости.

Мне тяжело держать осанку прямо,
Когда нелёгкий груз обид невыносим.
Когда мне кто-то близкий роет яму,
Я не желаю этого же им самим.

Мне трудно через силу улыбаться,
А слёз уже никак не удержать.
Мне тяжело, когда совсем невесело, смеяться
И на обидные слова не отвечать.

Жить тяжело, когда ты всем обязан
Вести себя и выглядеть на сто.
Ты по рукам, ногам как будто связан,
А что внутри – не знает ведь никто.

* * *

Мы выросли. Нас в детстве больше нет.
Теперь на Вы мы с Вами.
У Вас работа, у меня концерт –
Разбрасываться некогда словами.

Вы: "Вас встретить завтра?"
"Да нет, ну что Вы! –
Возражу с азартом, –
Мне путь знаком до музыкальной школы".

"Ну, нет, так нет», –
Ответите Вы, как обычно.
И я иду на свой концерт.
А вечером Вы встретите привычно.

Мы иногда гуляем допоздна,
Вы, как обычно, что-то говорите,
Но я молчу, и, глядя на меня,
Вы почему-то тоже замолчите.

"Устала, да? Ну что ж, бывает.
Давай-ка лучше мы пойдём куда-нибудь
В кафе, возьмём по чашке чая.
Смотри, перчатки не забудь".

Перчатки... Да, чуть не забыла...
Как холодно по вечерам!..
Когда-то осень очень я любила,
Шуршали листья под ногами тут и там...

"Лиз, ну может, хватит, а?"
"Хотите примиренья?"
"Хочу. Ведь нужно иногда,
Хоть раз, и мне просить прощенья".

Так каждый день.
И ссоримся, и миримся, ну что же?
И я потом хожу как тень,
И Вы. Но Вы мне всё-таки дороже :)

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Ну вот, пожалуй, и всё, что можно сказать о наших развлечениях. Как?! – воскликнет интеллигентный читатель. – Неужели всё?! А книги?! А музыка, наконец?! Неужели этого ничего не было?!..

Да было, было, успокойтесь. И книги были, и музыка.

С книгами, правда, была напряжёнка: наша гарнизонная библиотека, как я уже говорил, ничего сверх школьной программы предложить не могла; в книжных магазинах тогда, кроме брежневской «Целины» и материалов последнего партсъезда, купить было также нечего; а из интернета, дорогие читатели поколения next, скачать мы тогда тоже ничего не могли, ввиду отсутствия этого интернета в природе как такового – да-да, дорогие мои тинэйджеры, были когда-то на свете времена безынтернетные и даже, страшно сказать, безкомпьютерные.

Так что (спасение утопающих – дело рук самих утопающих!) читали мы то, что сами привозили с собой из отпусков, с «большой земли». Весть о хорошей книге, попавшей в гарнизон, мгновенно разносилась среди книголюбов, и за книгой этой выстраивалась очередь, порой расписанная на полгода вперёд.

Помнится, набрёл я как-то в Свободном, в букинистическом магазине, на четырёхтомник Хемингуэя. Издание было свежее – 1982 года. Видимо, кто-то, из имеющих доступ к новинкам литературы, просто решил бешено нажиться, выставив в «Букинисте» сборник стоимостью 17 рублей 10 копеек аж за целых 25 целковых. Таких денег у меня с собой не было, и я, уговорив продавщицу подождать до завтра и отдав ей в качестве задатка всю имевшуюся у меня наличность, пулей помчался назад, в Орловку, выпросил-вымолил у комэски отгул и на следующий день, взволнованный, как молодой жених перед свадьбой, уже опять ехал на перекладных в Свободный, мучаясь всю дорогу вопросом: «купили – не купили?!». Помню, как дрожали у меня руки, когда я, стоя в магазине, перелистывал ещё пахнущие типографской краской страницы. О, великий и мудрый Хемингуэй! Сколь много я у тебя почерпнул! Сколь многому научился! Сколько долгих зимних вечеров ты мне скрасил!..

Да, но как же музыка?! – напомнит мне бдительный читатель. – Присутствовала ли музыка в вашей орловской жизни?

Да! Конечно! Присутствовала! Ещё как присутствовала! Она попросту не могла не присутствовать! Поэтому в следующей главе я буду говорить не просто о музыке, а...

О любви к музыке

Однажды ранним воскресным утром, где-то часов в одиннадцать, когда самые первые из нас уже заканчивали пить свой утренний кофе, а самые последние ещё лениво почёсывались под своими пуховыми одеялами, в нашей холостяцкой квартире появился Славик Моисеев – старший лейтенант, лётчик братской второй эскадрильи – и попросил помочь ему перенести пианино...

Надо сказать, что мы ничуть не удивились этой просьбе. Действительно, куда идёт человек, которому с утра приспичило потаскать пианино? Разумеется, к любителям и тонким ценителям музыки. Шучу. Он идёт туда, где может единомоментно найти несколько здоровых мужиков, не обременённых семьёй и домашними хлопотами. В условиях военного гарнизона это, как правило, солдатская казарма или холостяцкая квартира. Солдатская казарма, как известно, находилась от нашего городка в шести километрах, так что у старшего лейтенанта Моисеева выбор был небольшой.

Старший лейтенант Моисеев был далеко не первым и, разумеется, не последним подобным посетителем нашей квартиры. За время нашего проживания в ней мы привыкли к периодическим визитам таких вот «работодателей» и воспринимали их уже как неизбежное, пусть не особо приятное, но и не самое страшное из всех зол. Что-то типа налога на бездетность. Уплачивая этот «налог», мы помогали загружать и разгружать контейнеры уезжающим и приезжающим, затаскивали владельцам на этажи холодильники, диваны и другую привезённую из магазина мебель, таскали радиаторы отопления в аварийные замерзающие квартиры.

Само собой разумеется, что в последующем, уже выросши из коротких холостяцких штанишек, обзаведясь своими семьями, детьми и неподъёмным домашним барахлом, мы сами при необходимости шли в точно такие же холостяцкие квартиры, где проживали уже следующие поколения холостяков, и точно так же просили о посильной помощи. И, между прочим, никогда не получали отказа...

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

– Какой этаж? – высунув из-под одеяла лохматую со сна голову, заспанным голосом поинтересовался Серёга Гасан.

– С третьего на пятый, – с готовностью ответил Славик и уточнил, – из девятого дома в наш.

Он тоже жил в нашем 13-м ДОСе, только в дальнем от нас, первом, подъезде.

– На пятый!.. – присвистнул Серёга. – Нифига себе! А пониже ничего нет?

Моисеев оценил тонкую Серёгину шутку и заискивающе засмеялся.

– Тяжёлое оно, это твоё пианино? – спросил я, отставляя пустую чашечку из-под кофе на прикроватную тумбочку. Как я говорил, таскать нам приходилось много чего, но с просьбой о переноске пианино к нам обратились впервые.

– Тяжёлое, сволочь... – сокрушился Славик. – Я сам даже одну сторону приподнять не смог... Как железное.

– И где ты его только нашёл?.. – садясь на кровати, вздохнул Серёга.

– Техник какой-то из девятого дома уезжает, так моя жена с его договорилась, – тут же доложил Моисеев...

Пианино в нашем городке было товаром редким, штучным. Попадали они в наш гарнизон, по большей части, случайно – с чьим-нибудь контейнером с «большой земли» и оставались уже навечно: тащить обратно через всю страну тяжеленный капризный инструмент обычно желающих не находилось. Поэтому владелец пианино ввиду предстоящего отъезда начинал судорожно искать «наследника», кому можно было бы сплавить неподъёмную обузу. «Наследник» обычно быстро находился. Я уже упоминал, что при ГДО у нас действовала маленькая музыкальная школа, единственным отделением которой было как раз отделение фортепьяно. Офицерам, как и всем культурным людям, хотелось приобщать своих детей к музыке, а купить где-нибудь в Благовещенске или в Хабаровске новое пианино и доставить его в Орловку было задачей практически неразрешимой. Вот и кочевали инструменты из одной семьи в другую...

– А, это... – со своей любимой литровой чашкой в руке появился в дверях широкоплечий Олег Сацевич – наша главная ударная сила. – Фала есть?..

Раскрою небольшую профессиональную тайну. Мы, как опытные грузчики, на тот момент уже знали, что тяжёлые предметы мебели лучше всего переносить не на руках, а на ремнях. Кто не знает технику этого дела, расскажу – может, когда пригодится. Берётся длинный – не менее пяти метров – кожаный или брезентовый ремень (толстая верёвка) и подсовывается под переносимый предмет так, чтобы по обе стороны оставались два свободных конца. Переносящие берут эти концы, пропускают их через свои плечи, подседают и, зафиксировав ремни руками, встают. Таким образом, вес переносимого груза приходится не на мышцы рук, а на более мощные спинные мышцы. При переноске длинных предметов используются два, три и т. д. ремня и, соответственно, две, три и т. д. пары грузчиков. Единственно, в отличие от грузчиков-профессионалов, мы, за неимением подходящих ремней, обычно использовали фалы от самолётного тормозного парашюта...

– Фалы есть! – обрадовался счастливый обладатель клавишной недвижимости. – Три фалы! Я у Голтвенко взял.

– Значит, вшестером понесём, – быстро подсчитал Олег и подытожил фразой из мегапопулярного на тот момент отечественного триллера, пытаясь подражать неподражаемому голосу Джигарханяна: – Все пойдём!.. (Нас как раз на тот момент в квартире находилось пятеро – двое были в наряде).

– Куда пойдём? Зачем пойдём? – потеснив Олега, в дверях появился Василий Крупин – он ещё ничего не знал, он возвращался из ванной комнаты, и мелкие капли воды бисерно блестели на его коротких чёрных волосах. – Что тут у нас за переполох с утра пораньше?.. Привет, Славик!

– Привет!

– Пианино... несём... – обрадовал его Серёга – он уже встал и, прыгая на одной ноге, пытался влезть в свои тесные джинсы. – На пятый... этаж... Бл-лин!!.. – он всё-таки, как обычно, навернулся.

– Весело! – проводив взглядом завалившегося за диван Гасана, констатировал Василий. – А я-то думаю – чего это мне с утра хочется? Хочется ведь чего-то, а что – понять не могу. Оказывается, пианино мне охота с утра потаскать! И как раз ведь на пятый этаж хочется! Вот на четвёртый бы было не то, низковато, понимаешь, а на пятый – в самый раз! Хорошо б ещё и без завтрака!..Твоё?! – сурово поворотился он к Славику.

– Моё, – виновато потупился тот.

Некоторое время Крупин, подбоченясь, рассматривал нашего раннего гостя, как будто видел его впервые.

– Надеюсь, «Армянский»? – наконец строго осведомился Василий. – А то у меня от «Юбилейного» в прошлый раз изжога была...

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

Поясню. Во все времена грузчикам за работу что-то платили. Но, согласитесь, как-то негоже совать мятые рубли своим боевым товарищам. А с другой стороны, заставлять людей работать за простое «спасибо» тоже как-то не по-людски. Поэтому издавна в гарнизонах повелось в подобных случаях расплачиваться «жидкой монетой». Чаще всего речь идёт о пиве. Но поскольку пива в Орловке было днём с огнём не найти, а водка нас не интересовала по причине изобилия авиационного спирта, то расплачивались все с «грузчиками» коньяком – кстати, единственным спиртным напитком, который, по причине его дороговизны, можно было в те времена (времена тотальной борьбы с пьянством) свободно купить в магазине. Выше всего у нас ценился армянский коньяк. Азербайджанский и московский розлив не котировались...

– Да ты что! Какой ещё «Юбилейный!» – оскорбился в лучших чувствах Славик. – Это же пианино! Что ж я, по-твоему, – вообще?! Не понимаю ничего?!.. Разумеется «Армянский!» Четыре звёздочки!..

– Четыре? – приподнял бровь Василий. – Четыре звёздочки – это только до четвёртого этажа.

– Это как? – не понял Славик. – А дальше?

– А дальше – сам.

– Как «сам»?!

– Это уж я не знаю, – развёл руками Василий. – Хочешь, ты на нём верхом. А хочешь, – оно на тебе. Это уж как вы договоритесь...

– Да как же?!..

– Думать надо было, когда коньяк покупал, – Василий постучал согнутым пальцем себе по лбу.

– Ду-мать!.. Пятизвёздочный надо было брать, раз на такую верхотуру жить забрался...

– Да ладно тебе! – остановил я Васькино красноречие. – Чего ты напал на человека?!.. Славик, ты его не слушай. Он с утра всегда такой...

– Это какой «такой»?! – тут же взъелся Василий. – Что-то я не понял!..

– Хмурый, – примирительно сказал я. – Хмурый, но отходчивый. Сейчас он только кофейку попьёт и пойдёт... Да, Василий?

– Да?! Василий?! – тяжело положил свою руку на голое Васькино плечо Сацевич, он стоял рядом с Крупинным и насмешливо смотрел на него с высоты своих ста девяноста.

Крупин вывернулся из-под тяжёлой Олегаовой длани и быстро исчез в своей комнате, но тут же опять появился. Полотенце на его шее смотрелось, как белый флаг.

– Я пойду, – гордо сказал он. – Но пойду исключительно из любви к музыке!

– А мы все типа идём из любви к коньяку! – донёсся из дальней комнаты возмущённый голос Лёхи Суханова. – Кто-нибудь там, кто поближе, дайте-ка ему по шее!

Олег грозно двинулся с места:

– Ну-ка, ты, меломан, иди – быстренько штаны надевай!

– Но-но! – Василий юркнул обратно в комнату. – Только без рук!.. И вообще, – донеслось из комнаты до нас, – я ещё не пил свой утренний кофе!..

Спустя примерно час мы стояли в квартире продавца пианино и смотрели на инструмент. С первого взгляда он внушал к себе уважение. Это был не какой-нибудь облегчённый продукт поздних ГОСТов, типа легкомысленных «Элегий» и всяких там «Ласточек», а полноценное – на три с половиной центнера – детище ленинградской фабрики «Красный Октябрь».

– Тут мы все и поляжем... – пророчески изрёк Санька Дамрин, мрачно любуясь на своё отражение в чёрном полированном дереве.

– Не каркай! – одёрнул его Лёха. – Подумаешь, пьянина! Фортекляп на ножках! Облепили – понесли!

– Ну-ну... – покачал головой Санька.

– Ладно, в самом деле, – подал голос Олег. – Что нам тут, до вечера стоять? Давайте уже тащить...

Спуск с третьего этажа прошёл достаточно гладко: пианино сначала вытолкали на лестничную площадку, а потом, пропустив под ним три фала, тремя парами подняли и за один подход снесли вниз. У подъезда чутко передохнули и тем же порядком понесли инструмент по улице. Расстояние между домами было порядка трёхсот метров – ДОС № 9 и ДОС № 13 стояли в разных концах городка. Напротив лётной столовой (2/3 пути) Крупин запросил привал.

Пианино осторожно опустили в пыль, и Василий сейчас же полез поднимать верхнюю крышку:

– Это чего ж оно такое неподъёмное? Что они туда напихали? Может отвинтить чего можно?.. – ему наконец удалось заглянуть под тяжёлую полированную панель. – А-а-а!!!.. – вдруг дико заорал Васька и, уронив крышку, отскочил в сторону. – Там!!!.. – он тыкал пальцем в инструмент и смотрел на нас круглыми ошалелыми глазами.

(продолжение следует).

• Суженый-ряженный

МАША, ПОГАДАЙ И МНЕ!

Эта девушка стала с нами учиться со второго курса университета... У неё была яркая внешность и нерусская фамилия – Шейх-Заде. И, надо заметить, очень гармонирующая с роскошными выющимися волосами и чёрными глазами. Но самое замечательное, что мы, девчонки, в ней находили (на наш беззаботно-юный взгляд) – это её умение и желание всем нам гадать. Не на картах, не на кофейной гуще или расплавленном воске, а... по рисунку прожилок на тыльной стороне ладони. Да кто из нас не хотел знать в 18 лет имя своего суженого? Конечно, все мы тянули к юной гадалке свои девичьи ладошки. Не стала исключением и я. Уж больно любопытно и... весело! Так хотелось верить! А вдруг – и правда?

–Маша, погадай и мне!

Девушка внимательно рассмотрела затейливую вязь голубых прожилок на моей руке и сказала: «Твоего мужа будут звать Колей...Николаем...»

Мне в ту пору, правда, нравились совсем другие имена (точнее, молодые люди с другими именами). Ну, раз Коля так Коля! Студенческие заботы, новые знакомства, дальнейшие перипетии личной жизни почти стёрли из памяти то предсказание. Но ведь оно всё-таки сбылось! Через солидный промежуток времени.

Признаюсь честно: невеста я была, как говаривала моя бабушка, переборливая; мои родные и близкие, видя, что без их вмешательства и участия семейными узами я себя так и не решусь обременить, устроили мне «вечер знакомства».

– Его зовут Коля, холостой, самостоятельный, хозяйственный, – таковы были «разведанные», доставленные мне накануне судьбоносной встречи.

Через три недели Николай стал моим мужем.

Вот так, милая Маша Шейх-Заде, сбылось твоё гадание.

В подтверждение того, что случайностей в жизни не бывает, поведаю ещё одну коротенькую историю.

Школьные годы племянницы моей подруги совпали со смутными временами 90-х годов, когда очень популярным становились астрологи, экстрасенсы, маги и проч. Было много и соответствующей литературы. Так вот в одной из брошюрок подруги-школьницы вычитали, какое имя (по расположению звёзд) должно быть у избранника, чтобы брак с ним получился удачным и гармоничным.

Наиболее подходящим именем мужа для героини моего рассказа оказалось – Богдан. Девчонки тогда рассмеялись: «Кать, ну где ты сейчас Богдана найдёшь, так сейчас никого и не называют!». Да и сама Катя, которой тогда было лет четырнадцать, не восприняла это предопределение всерьёз.

Ну и что вы думаете? Сейчас в семье у Кати и... Богдана (!) подрастает черноглазый шустрый Дениска. И, надо сказать, астрологический прогноз вполне сбылся: брачный союз оказался крепким и надёжным.

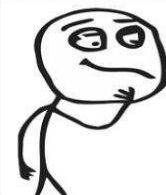
Светлана Виноградова,
Нелидово

Мы гордо называем свой город
Андреаполь, а остальные с
завистью говорят -

• В «Одноклассниках» о нас

Мы не знаем, кто выкладывал в сеть эти рисунки, но они заставили нас улыбнуться. Мы, в свою очередь, решили поделиться настроением с нашими читателями, ведь в Интернете это мог видеть не каждый.

А где это?